

0- 791872

На правах рукописи

Повх Юлия Александровна

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ
В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1990–2000-х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Астрахань
2011

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор *Геннадий Григорьевич Исаев*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Ирина Николаевна Иванова*
(Ставропольский государственный университет);

кандидат филологических наук,
доцент *Марина Александровна Семёнова*
(Астраханский инженерно-строительный институт).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Защита состоится 26 ноября в 10.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.009.11 по присуждению учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.02.01 – русский язык в ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» по адресу: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет».

Текст автореферата размещен на официальном сайте Астраханского государственного университета: <http://www.aspu.ru>.

Автореферат разослан 21 октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, overlapping loops and strokes, representing the name Zavyalova E.E.

Завьялова Е.Е.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Петербургский миф – явление, через которое часто определяется самобытность петербургской культуры в целом; это особый феномен, художественное воплощение которого впервые появилось в произведениях А. Пушкина и Н. Гоголя. Русская проза 1990–2000-х годов стала новой, ещё в недостаточной степени изученной страницей петербургского мифа.

Культурологическим термином «петербургский миф» обозначается совокупность преданий и легенд, связанных с возникновением Петербурга и образом города в сознании людей и в искусстве. Реальные события возникновения города обрастали мифологическими образами. Невиданный размах строительства дал пищу для мифа о постройке Петербурга на пустом месте. Петербургский миф включил в себя легенды о чудесном основании города, сюжет пророчества о его гибели, идею искусственного, обреченного города. Природная стихия, наводнения порождали множество легенд о гибели Петербурга (очевидна их связь с идеей потопа, характерной для древних мифов).

Один из первых исследователей петербургского мифа – Н.П. Анциферов. Исследованию этого культурного феномена посвящены такие работы историка, как «Непостижимый город (Петербург в поэзии А. Блока)» (1921), «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924) и другие.

После работ Н.П. Анциферова исследователи периодически обращались к теме Петербурга в русской литературе, делая её центром или одним из аспектов исследования. Не раз эта тема звучала в работах, посвящённых творчеству А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Блока; есть и публикации зарубежных исследователей, в частности, Ло Гатто, Я. Хинрикса и других. Несомненный интерес представляют работы Г.П. Федотова. Его статьи («Три столицы» (1926), «Россия и свобода» (1945) и другие) включают в себе бесценный опыт историософского осмысления Петербурга. Свою точку зрения на историософию Петербурга предлагает Д. Андреев в книге «Роза мира» (1950–1958).

Целый пласт исследований петербургского мифа связан с именем В.Н. Топорова, впервые употребившего термин «Петербургский текст». Очерченные учёным границы этого понятия послужили отправной точкой семиотической разработки историко-культурных и литературных свертксов, особенно так называемых городских текстов. Вслед за Петербургским текстом стали формироваться «столичные тексты» – московский, римский, венецианский и т.п., а также свертксты русской провинции.

В капитальном исследовании «Петербург и "Петербургский текст" русской литературы (Введение в тему)» (написано в 1971, доработано в 1993 году) В.Н. Топоров отмечает, что Петербург принадлежит «к числу

ских резервов, коими обладают города с укорененной во времени и культуре историей.

Особое место среди исследователей петербургской мифологии занимает Н.А. Синдаловский, автор работ «Петербург в фольклоре» (1999), «Легенды и мифы пригородов Петербурга» (2001), «Санкт Петербург. История в преданиях и легендах» (2002), «Мифология Петербурга. Очерки» (2006), «Призраки Северной столицы. Легенды и мифы питерского зазеркалья» (2007), «Петербург: От дома к дому... От легенды к легенде... Путеводитель» (2008), «Пороки и соблазны Северной столицы. Светская и уличная жизнь в городском фольклоре» (2008) и других. Его книги явились фактически первой попыткой систематизации и осмысления богатейшего петербургского фольклора.

Попытки осмысления петербургского мифа в современной литературе и культуре предпринимались и в работах таких исследователей, как К. Жуков («О пользе и вреде петербургской мифологии»), С. Бломберг («Петербургский миф в наши дни»), Н. Марченко («Литературный миф Петербурга»), Р. Назиров («Петербургская легенда и литературная традиция»), Л. Лурье («Пять мифов Петербурга»), И. Шерганова («Роль "городского мифа" в создании семиотики города (на примере Москвы и Петербурга)» и др.

Среди монографических исследований последних лет, несомненно, выделяется работа А.М. Буровского «Величие и проклятие Петербурга. Три Петербурга: метафизика второй столицы». Исследованию петербургского мифа в русской прозе были посвящены диссертации Т.В. Ефимовой («Петербургский текст» как ресурс формирования городской ментальности), Ж.Е. Ермолаевой («Петербургский текст: мифология города в прозе 20–30 годов XX века»), Т.К. Ермоченко («Поэтика новой петербургской прозы конца XX – начала XXI веков»).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена научным интересом к мифологическим аспектам современной русской прозы, прочтением художественных произведений 1990–2000-х годов в контексте мифологического мышления, потребностью выявить роль и функции петербургского мифа, исследовать формы его художественного переосмысления в прозе названного периода.

Объект диссертационного исследования – русская проза 1990–2000-х годов, представленная произведениями А. Битова, А. Вьяльцева, Д. Вересова, Н. Галкиной, О. Юрьева, И. Стогова, А. Столярова и других авторов.

Предмет исследования – преемственность классического петербургского мифа русской прозой 1990–2000-х годов и художественное развитие традиции современными писателями.

Цель работы: определение сущностных черт петербургского мифа, уточнение классических характеристик Петербургского текста и особенностей мифологии города в русской прозе 1990–2000-х годов.

Задачи, вытекающие из поставленной цели:

- выявить круг мифопоэтических мотивов, помогающих авторам создать образы художественного пространства и времени в литературных произведениях о Петербурге;

- установить роль и функции символических и фантастических образов-персонажей, способствующих раскрытию содержательной стороны петербургского мифа;

- определить мифологические, фольклорные и литературные источники петербургского мифа в русской прозе 1990–2000-х годов;

- выделить особенности сюжетной схемы петербургского мифа в русской прозе 1990–2000-х годов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в осуществлении системного изучения петербургского мифа в русской прозе 1990–2000-х годов. Рассказы, повести, романы, рассматриваемые в диссертации, не были ранее предметом серьёзного научного анализа. Лишь в отношении некоторых из них имеются отдельные критические статьи, в которых произведения иллюстрируют то или иное положение о развитии современного литературного процесса.

В диссертации выявлены мифопоэтические мотивы, помогающие авторам создать образы художественного пространства и времени в литературных произведениях о Петербурге; установлены роль и функции символических и фантастических образов-персонажей, способствующих раскрытию содержательной стороны петербургского мифа; определены мифологические, литературные и фольклорные источники и особенности сюжетной схемы петербургского мифа в русской прозе 1990–2000-х годов.

Теоретическая значимость диссертации связана с расширением представления о петербургском мифе, являющемся частью обширного культурологического феномена.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые Петербургскому тексту: Н.П. Анциферова, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис, В.Н. Топорова; мифопоэтике и неомифологизму: С.П. Батраковой, А.С. Козлова, А.Ф. Косарева, А.Ф. Лосева, А.М. Минаковой, З.Г. Минц, В.Б. Мириманова, Я.В. Погребной, В.П. Руднева, С.Д. Титаренко, М.Н. Эпштейна, А. Альварес де Миранды, Р. Грейвса и других. В процессе написания диссертации учитывались исследования феномена мифа в мировой культуре (Р. Барт, Э. Кассирер, Т. Манн, Дж. Маркус, А. Сиви, Х. Хэтфилд, М. Элиаде, К.Г. Юнг и др.), а также работы по теории мифореставрации (С.А. Телегин, Р.Л. Шмароков).

В основе **метода** исследования лежит комплексный подход к анализу литературного произведения, сочетающий элементы мифопоэтического и историко-литературного.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования её результатов в вузовском курсе лекций по истории русской

литературы конца XX – начала XXI века, а также при разработке спецсеминаров и спецкурсов по проблемам Петербургского текста и современной прозы и элективных курсов школьной программы по литературе.

Апробация работы проводилась в ходе выступлений на вузовских, всероссийских и международных научных конференциях в Астрахани (2009, 2010, 2011), Москве (2011), Бердянске (Украина, 2008). По теме диссертации опубликовано 16 работ, в том числе 5 статей в журнале, включённом ВАК Министерства образования и науки РФ в Перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В произведениях русской прозы 1990–2000-х годов о Петербурге реализуются мифопоэтические мотивы, позволяющие писателям создать образы художественного пространства и времени и запечатлеть мифосознание, реализованное в системе символов и других категорий. К числу мотивов, ориентированных на хронотоп, мы относим: мотив возникновения города, мотив конца истории города, мотив жизни «на краю» (такое положение Петербурга объясняет концентрацию мифов о гибели города), мотив перехода в другое пространство и время, мотив вечного возвращения.

2. Мифопоэтическое начало играет важную роль в формировании глубинной семантики образов-персонажей. Мифологизация знаковой фигуры Петра Первого как центрального персонажа петербургского мифа служит созданию амбивалентности образа: с одной стороны, чудесное основание Петербурга определяет представление о его создателе как о божестве, воплощении благодетельной силы (как в классическом варианте космогонического мифа), с другой стороны, легенды о выборе Петром места для будущего города, о массовой гибели первых строителей Петербурга актуализируют известный петербургский миф о городе на костях. Таким образом, мифологическое начало в образе Петра взаимоориентирует и сближает космогонический и эсхатологический мифы Петербурга, позволяя оценивать деятельность Петра и как демиурга, и как царя-антихриста.

К фантастическим петербургским персонажам в произведениях русской прозы 1990–2000-х годов мы относим призраков и привидений, оживающих сфинксов и статуй, Зверя (чудовища, обитающего в одном из петербургских каналов), а также (косвенно) двойников главных героев произведений. Введение их в сюжеты художественных произведений определяет две важнейшие отличительные особенности пространственно-временной организации петербургского пространства – призрачность и театральность, актуализирующие мотивы петербургской искусственности, миражности, ирреальности, обманной сущности города, в случае с двойниками – мотивы безумия, сумасшествия.

3. Мифологическими, фольклорными и литературными источниками петербургского мифа русской прозы 1990–2000-х годов являются:

- некоторые видоизменённые фрагменты скандинавских, древнеиндийских, этрусских, славянских и других мифов, служащие основой космогонического мифа Петербурга;

- известный в мировом фольклоре сюжет об оживающей статуе, выявляющий взаимообусловленность петербургского мифа и архитектурного пейзажа;

- общее для многих культур понятие «река смерти» (и как частное его проявление – представление о реках загробного мира в древнегреческой мифологии: Стиксе, Коците и Ахероне), создающее амбивалентный образ реки в петербургской эсхатологии;

- европейская религиозно-историософская и политическая идея «Третий Рим», раскрывающая некоторые аспекты темы памяти и возраста Петербурга.

4. Сюжетная схема петербургского мифа состоит из набора постоянных мотивов и сюжетов, среди которых: мотив возникновения города, мотив конца истории города и др. В рамках реализации сюжетной схемы функционируют традиционные мифологические сюжеты об основании и конце города. Композиция составных частей сюжета свободна и открыта. Несмотря на возможность сюжетных усложнений, все варианты имеют общую черту: речь идет о возникновении, истории и конце истории города, обладающего чертами универсума (модели мира, вмещающей представления автора о мироздании).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 202 наименования. Общий объём диссертации – 211 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность исследования, обозначаются предмет, объект диссертации, формулируются цель и задачи, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В главе 1 *«Мифопоэтика петербургского времени»* образ времени в контексте петербургского литературного мифа рассмотрен в трёх аспектах: космогонический и эсхатологический мифы Петербурга, тема памяти и возраста города.

В § 1 главы 1 *«Космогонический миф Петербурга»* рассматривается основной миф о возникновении города.

В целом космогонический миф Петербурга соответствует сюжетной схеме, в которой движение осуществляется от прошлого к настоящему, от космического и природного к культурному и социальному. Петербургский

космогонический миф восходит к идее творения мира, поэтому и в петербургской истории, и в петербургской литературе огромную роль играет образ творца, петербургского демиурга – Петра I. Со временем культ Петра определил важнейшие особенности исследуемого мифа: первоначальная символика Святого Петра заместилась активно насаждаемой символикой Петра I. В последующей культурной и литературной традиции Петербург, символизирующий разрыв с прошлым, европеизацию жизни и мышления, связывается уже исключительно с Петром I.

В то же время легенды об основании города аккумулируют некоторые фрагменты национальных мифов. Так, мифы о небесных городах, существующие в культуре славян (Ирий-сад), скандинавов (Асгард), этрусков (Ой-норея), древних индусов (Хираньяпура, Трипура), нашли отражение в русской прозе 1990–2000-х годов. Представления о небесном городе отразились также в финской легенде об основании Петербурга в воздухе, несколько трансформированной в романах Олега Юрьева «Винета» и Андрея Столярова «Не знает заката». По этой легенде, город не мог быть построен на топком, проклятом Богом болоте известными в то время способами строительства, он бы просто утонул по частям. И поэтому его целиком возвели на небе и затем осторожно и тоже целиком опустили на землю.

В русской прозе рассматриваемого периода нельзя не отметить наличие критики «официальных», принятых и устоявшихся в истории города версий возникновения Петербурга, а также поиски рационального объяснения легенд об основании Петербурга (роман Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра»). В образе Петра прослеживается соединение разнотипных мотиваций при оценивании его исторической роли в основании Петербурга: наличествует мнение о нём и как о величайшем реформаторе, и как об Антихристе (проза М. Кураева, Т. Толстой и А. Битова, романы Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» и И. Стогова «1999. Роман в стиле техно»).

§ 2 главы 1 «*Эсхатологический миф Петербурга*» в центре внимания находится сюжет о гибели города.

Космогония и эсхатология в петербургском литературном мифе 1990–2000-х годов неразрывно связаны между собой. Унаследовав от литературы предшествующего периода сюжетную схему петербургского эсхатологического мифа, современные прозаики существенно её расширили. Это художественное переосмысление определило свободный и открытый характер мифологического сюжета о гибели города.

В понятие эсхатологии теперь включается всё, что противоположно космогонии и связано с действием сил, несущих разрушение и гибель, независимо от прошедшего или будущего времени этих событий, их локального или глобального масштаба, включённости в цикл обновления мира, или носящих окончательный характер, как в христианской апокалиптике. Иными

словами, понятие эсхатологии охватывает широкий круг явлений, общим смысловым ядром которых становится их деструктивный характер.

Роман Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» отсылает читателей к легенде о Китеж-граде, затонувшем городе, посвящённом русскому богу Китоврасу. Главное отличие китежской легенды очевидно от других сказаний о затонувших городах заключается в отсутствии мотива наказания жителей города за грех (Сибарис, Атлантида, Ис и др.). Исчезновение под водой Китежа является проявлением не гнева высших сил, а Божьей милости — чудо спасает город от войск монголо-татар. Именование Петербурга лже-Китежем в романе Н. Галкиной означает лишь внешнее сходство судеб двух городов. Если Китеж был населён праведниками и считался святыней, городом-храмом, духовым центром Руси (за что и был спасён от врагов), то Петербург в этом смысле противопоставлен Китежу и уйдёт под воду в наказание царю-Антихристу.

Очертания эсхатологических мотивов в произведениях русской прозы рассматриваемого периода проявляются в эпизодах, повествующих об основании города. Так, например, эсхатология О. Юрьева говорит не о гибели Петербурга, а, скорее, о возрождении Петербурга, что соответствует модели событий в архаических мифах, где потоп открывает путь к возрождению, обновлению мира и человечества. Связью эсхатологии с мотивами обновления жизни, возрождения отмечено обращение к теме наводнений и в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра». В архаичных мифологиях представления о гибели мира подготавливаются календарными мифами о смерти и воскресении природы. Петербургские наводнения и пожары включаются Н. Галкиной в космический цикл гибели и обновления мира; их систематические проявления необходимы для гармонизации жизни и служат показателем включённости города во все-ленский процесс обновления через смерть.

Существенной чертой современного эсхатологического мифа Петербурга является его интерпретация как вынужденного, насильного существования петербуржцев в пространстве чужих идей (петровская идея, владевшая его последователями помимо их воли). Петербургская эсхатология — это не только угроза ежегодных наводнений (то есть буквальное стирание города с лица земли, потоп), но и присущие петербуржцам чувства тоски, обречённости, безысходности (роман Д. Вересова «Третья тетрадь», рассказ Т. Толстой «Чужие сны», проза А. Битова и т.д.). В литературе рассматриваемого периода отчётливо звучат мотивы безысходности и обречённости как основного модуса переживания петербургского бытия, переходящие к теме суицидальных наклонностей жителей Петербурга (романы Д. Вересова, И. Стогова, А. Столярова и др.).

В § 3 главы 1 «Тема памяти и возраста города» исследуются формы многогранного представления художественной категории памяти в русской прозе о Петербурге: от индивидуально-личностного плана до памяти

историко-культурного и бытийного масштаба: в условиях столкновения с прошлым герои часто выполняют определённую культурную миссию (роман Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра»).

Тема возраста города актуализирует синхронический (история в сопоставлении с другими городами) и панхронический («вечный») аспекты описания Петербурга. Нередко в рамках одного художественного текста встречаются оба названных аспекта. Тема памяти и возраста города раскрывается в современной прозе в ключе «Москва – Петербург», со- и противопоставления бывшей и нынешней столиц (проза А. Столярова, А. Битова), а также пересекается с линией «Рим – Петербург». Вписанность Петербурга в вечность становится лейтмотивом рассказов А. Битова. На страницах его произведений воссоздана концепция Петербурга как вечного города, который не соответствует своему юному возрасту.

Реализация в современной литературе европейской религиозно-историософской и политической идеи «Третий Рим» помогает нам раскрыть некоторые стороны образа времени в петербургской мифологии.

По мысли Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского («Отзвуки концепции "Москва – Третий Рим" в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)»), в осмыслении бытия Петербурга можно выделить три временные модели:

1) Петербург как «новая Голландия», то есть воплощение идеала «регулярного государства»; город при этом включался в европейское реально-историческое время, что проявилось в речах Петра и его сподвижников, подчеркивавших быстроту создания нового города и акцентировавших момент переживаемого времени;

2) Петербург как вечный город: будучи новым и истинным «Третьим Римом», он исключает возможность появления четвертого Рима;

3) Петербург как наваждение, кажущееся бытие, которое в любой момент может исчезнуть: противники переноса столицы из Москвы в Петербург считали, что истинный третий Рим – это Москва.

Перечисленные точки зрения отразились в последующих культурных моделях Петербурга. Так, в прозе А. Битова закрепилась идея Петербурга как вечного города, которого не коснулся ход времени. В сопоставлении с Римом Петербург предстаёт в произведениях писателя как статичное, застывшее явление. Похожая временная модель восприятия Петербурга функционирует в романе А. Столярова «Не знает заката». Здесь вопрос возраста города раскрыт в ключе темы «Москва – Петербург»: Петербург вечен потому, что приближен к незыблемым, вечным основам бытия; этот город в противоположность Москве не знает повседневности, обыденности, суеты. Однако именно это обстоятельство приводит главного героя к тому, что он оказывается вовлечённым в цепочку загадочных, необъяснимых событий.

В рассказе Павла Крусанова «Сим победиши» представление о Петербурге как о вечном городе (вторая временная модель) воплотилось в инте-

ресном образе хрустальной игрушки. Образ хрустальной сферы присутствует и в романе П. Крусанова «Укус ангела». Символический образ Петербурга как хрустальной игрушки / сферы подчёркивает вневременной характер бытия города, его принадлежность вечности и несовместимость со временем реальным, протекающим в плане настоящего и не имеющим над Петербургом власти. В несколько трансформированном виде вторая временная модель бытия Петербурга присутствует в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра». С одной стороны, Петербург Н. Галкиной – это двойник Рима, но двойник призрачный, в отличие от настоящего Рима; с другой стороны, в романе обозначены некоторые преимущества Петербурга перед Римом.

В романе И. Стогова «Мёртвые могут танцевать: Путеводитель на конец света» представлена третья временная модель, обозначенная Б. Успенским и Ю. Лотманом. Сравнивая два города, писатель утверждает мысль о том, что Рим вечен, в то время как Петербург уже давно мёртв, а страна в целом (Россия) умирает.

В главе 2 *«Мифопоэтика петербургского пространства»* рассматривается городское пространство в контексте петербургского мифа русской прозы 1990–2000-х годов, условно разделённое нами на водное и архитектурное, а также затрагивается тема призрачности и театральности петербургского пространства.

В § 1 главы 2 *«Водное пространство города»* исследуется мифопоэтика водного пространства как основная характеристика топоса Петербурга. Реки и каналы выступают мифологическим символом, элементом сакральной топографии. Описание водной стихии Петербурга связано с элементами эсхатологического мифа города. Богатый иллюстративный материал в этом смысле представляют собой романы И. Стогова.

В прозе Н. Галкиной и М. Кураева ассоциативное поле, связанное с водным пространством города, очень объёмно и расширяется до коннотативных смыслов древнегреческой мифологии. Так, в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» актуализируется дополнительная информация об общем для многих культур понятии «река смерти», в котором соединились представления человечества о предельных вопросах, о жизни и смерти. Амбивалентный образ реки олицетворяет и созидательную, и разрушительную силы водной стихии. Во многих традициях существуют представления о реках загробного мира, в древнегреческой мифологии таковыми являлись Стикс, Коцит и Ахерон. Множество рек Петербурга в представлении главного героя романа Н. Галкиной уподобляются античным мифологическим рекам. Ассоциативная связь петербургских рек с именами богинь греческой и римской мифологий обозначена и в путевых заметках М. Кураева «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург».

Обращение к языку античной мифологии при описании Петербурга как гиблого, неприспособленного для нормальной жизни места присутст-

вовало в русской литературе со времени основания города. Наиболее часто подобные образы появляются в литературе середины XX века, особенно в поэзии (Г. Иванов, А. Городницкий, В. Халупович, А. Кушнер и др.). В этом смысле в русской прозе 1990–2000-х годов продолжается органическое воплощение мифопоэтических образов петербургского водного пространства, намеченное в литературе предшествующего периода.

Соотнесённость глубинных, подчас бессознательных человеческих переживаний с водой, петербургскими реками наблюдаем и в романе Д. Вересова «Третья тетрадь». Попытка героини романа Кати утопиться в Неве также ассоциируется с мифологемой воды как элемента первобытного хаоса и на символическом уровне означает стремление раскрыть секрет жизни, её конечную тайну. Изначальная мотивация девушки («чтобы всё забыть, всё смыть») связывается с мотивом воды как первоначала: акт омовения возвращает человека к исходной чистоте. Неслучайно ритуальное омовение во многих культурах несёт особую символическую нагрузку, это второе рождение, новый выход из материнской утробы (аспект мифологемы воды в таинстве крещения у христиан). В то же время можно говорить о водной бездне, поглотившей героиню «Третьей тетради». Бросившись с парапета в Неву, Катя увидела лик смерти, но была спасена из воды (метафора воскресения), и для неё началась совершенно другая жизнь.

§ 2 главы 2 «Архитектурный облик города» посвящён мифопоэтике второй составляющей части петербургского пространства.

Вторая составляющая петербургского пространства – архитектурный облик города – затрагивает вторичные смыслы, связанные с мифологизацией визуальных ощущений от города, которые наслаиваются на культурные, исторические и личностные коннотации. При этом функционированию Петербурга как административно-промышленной единицы в русской прозе 1990–2000-х годов уделяется мало внимания. Для понимания мифопоэтики пространства Петербурга очень значимы такие особенности восприятия архитектурного облика города, как перевёрнутость пространства (зеркально отражающиеся в многочисленных реках и каналах архитектурные ансамбли) и бинарная оппозиция «верх – низ», выражающая менее наглядное соотношение «добро – зло» (проза Н. Галкиной, А. Столярова). Возведение города в сжатые сроки, характер и способ застройки пространства являются частью исторических и культурологических экскурсов произведений современной русской прозы, включающих сравнительно-противопоставительную характеристику Москвы и Петербурга (А. Вязцев, А. Битов, А. Столяров). Такой признак петербургского пространства, как дальновидимость, просматриваемость, обусловленная особенностями ландшафта и организации города, проявляется в описаниях психологического самоощущения героев произведений. Доминирующими состояниями при этом выступают чувства опасности и незащищённости.

Взамообусловленность петербургского мифа и архитектурного пейзажа побуждает современных авторов обращаться к известному в мировом фольклоре сюжету об оживающей статуе, коей является и памятник основателю города Петру Первому, и другие монументы Петербурга. «Фигурой, не исчерпавшей свою жизненную энергию» (В.Н. Топоров) предстаёт Медный всадник в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра». Мотив «мстительной статуи» актуализирован в романе А. Столярова «Не знает заката». Тема карательных функций монументальных сооружений и статуй Петербурга продолжается в романах Н. Галкиной и А. Столярова обращением к образам мифических сфинксов, чьи изваяния украшают в Петербурге набережную Невы и другое мистическое место – Водопой ведем. Мировая копилка преданий об этих мифических чудовищах обогащается в романе Н. Галкиной легендой со специфическим петербургским колоритом (о свинке Хавронье).

В § 3 главы 2 «*Призрачность и театральность петербургского пространства*» характеризуются традиционные модусы восприятия города.

Театральность, проявляющаяся в дифференциации городского пространства на «сцену» и «закулисы», в восприятии архитектурных сооружений как декораций представлена в прозе А. Битова, Д. Вересова, И. Стогова и др. Искусственно создаваемое на болотистой местности архитектурно-ландшафтное великолепие петровского парадиза неизбежно вызывает ассоциации с театральными декорациями. В романах Д. Вересова и Н. Галкиной звучат мотивы петербургской искусственности, миражности, его ирреальной, обманной сущности.

Немаловажный аспект театральности петербургского пространства – это антитеза «центр – окраина», противопоставление Петербурга парадного, дворцового городским окраинам. Между ними складываются «взаимные отношения несуществования» (Ю.М. Лотман). В русской прозе рассматриваемого периода подобная традиция изображения продолжена Д. Вересовым («Третья тетрадь») и А. Столяровым («Сад и Канал», «Боги осени»).

Глава 3 «*Персонажи петербургского мифа*» посвящена персонажам, населяющим пространство петербургского мифа и действующим в определённом историческом времени, а также теме двойничества как одного из феноменов петербургского литературного мифа.

В § 1 главы 3 «*Образ петербуржца в русской прозе 1990–2000-х годов*» рассматриваются попытки осмысления современными прозаиками культурных и нравственных аспектов петербургского менталитета. В связи с этим в литературных произведениях нередко затрагивается тема влияния на горожан особой петербургской атмосферы и обособленного положения петербуржцев среди жителей других городов, их инаковости.

Город трёх революций породил особый историко-культурный тип российского человека, характер и стиль поведения. Важный аспект петербург-

ского мифа, связанный с горожанами, – мотив безумия. Представление о Петербурге как о городе сумасшедших мы находим в прозе Д. Вересова, Н. Галкиной. Значительное место в литературе рассматриваемого периода уделено созданию представителям особого культурного явления – петербургского андеграунда. На страницах произведений И. Стогова и А. Вяльцева воссозданы образы ярких музыкантов и художников Петербурга 1980–2000-х. Основными чертами собирательного образа петербуржца в русской прозе рассматриваемого периода являются аристократизм, сдержанность, замкнутость, угрюмость, мечтательность, оппозиционность, индивидуализм, пренебрежительное отношение к материальным ценностям.

В § 2 главы 3 «*Обитатели петербургского зазеркалья*» предметом исследования становятся потусторонние обитатели Петербурга, пророчества о которых на протяжении трёх веков создавало население города.

Традиционное, устоявшееся представление о Петербурге как о городе рациональном, прагматичном, продуманном до мелочей соседствует в петербургском мифе с однозначной оценкой города как ирреального, призрачного пространства, в котором рубежные границы существования размыты настолько, что отличить сущее от не-сущего невозможно. На страницах литературных произведений о Петербурге, созданных в 1990–2000-х годах, обитатели петербургского зазеркалья фигурируют, скорее, в качестве одной из достопримечательностей города, нежели в качестве некой мистической субстанции, которую следует опасаться. Призраки безобидны для настроенных к ним лояльно петербуржцев, не создающих ажиотажа вокруг их появления (ведь они такая же естественная деталь Петербурга, как дворцы, каналы, мосты).

Потусторонние обитатели настолько привычны для петербуржцев, что мистический налёт при их упоминании нивелируется, уступая место привычному, будничному восприятию призраков как атрибута города, ставшего неотъемлемым дополнением его богатой событиями истории, своеобразной визитной карточкой Петербурга (романы И. Стогова, А. Столярова).

Роман Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» содержит множество упоминаний о самых разных петербургских призраках. Пожалуй, его можно назвать самым полным «путеводителем» по мистическим местам Петербурга в современной литературе. Составляя лоцию, герои этой книги подробно описывают каждый из островов, на котором им удалось побывать, и на каждом острове, согласно этой лоции, обитают свои призраки. Помимо подробного описания обитателей петербургского зазеркалья, в «Архипелаге Святого Петра» предпринята попытка их классификации на персонифицированных привидений (Петр I, Павел I, пара новобранцев шутов из Ледяного дома, Анна Иоанновна в Тронном зале, повешенные декабристы, Григорий Распутин, мельник Матис, княжна Тараканова и др.), пространственных неодоушевленных привидений, или фантомов (Ледяной дом и Зим-

ний сад), зеркальных призраков (выходящих из зеркал старых особняков) и костюмных (лица меняются, амплуа остаётся).

В § 3 главы 3 *«Феномен двойничества в русской прозе 1990–2000-х годов как составляющая петербургского мифа»* в центре внимания находится двойничество как одна из систем образов петербургского мифа.

В призрачном петербургском пространстве оригинал часто не отличить от двойника. Современные прозаики самым внимательным образом исследуют внутренний мир своих героев в поисках причин раздвоения их сознания, и практически всегда эта причина кроется в воздействии на людей зыбкости и нечёткости петербургского пространства, какими бы ни были внешние причины душевного разлада людей. Своих двойников в Петербурге встречают герои Д. Вересова («Третья тетрадь»), Н. Галкиной («Архипелаг Святого Петра»), А. Столярова («Не знает заката»).

В нашем исследовании проблема двойничества рассмотрена с позиций подхода, намеченного в работах М.М. Бахтина и В.Л. Махлина: это самоотчуждение личности, расщепление её сознания на две противоположные сферы, отрицающие друг друга, внутренний разлад со своей сущностью, персонифицирующейся в образе двойника, который осознаётся как реально существующий. Тот, в ком герой видит самого себя, кого он признаёт своим двойником, и определяет глубинную сущность человека. Взяв за основу и сохраняя данный инвариант, петербургская проза 1990–2000-х годов существенно обогащает его многообразными значениями.

Говоря о теме двойничества в русской прозе, условно можно обозначить два способа её представления в художественных произведениях, намеченные Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Двойничество в произведениях Н. Гоголя – это нарушение привычной окружающей героев обстановки, разлад во внешнем мире, смешение фантастического и реального планов повествования («Нос», «Шинель», «Невский проспект», «Портрет» и др.), тогда как у Ф. Достоевского вещественная действительность двоится только в сознании героев («Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток», «Двойник» и др.).

В русской прозе 1990–2000-х годов двойничество сохраняет принципиальные особенности своего воплощения в художественных произведениях, намеченные Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Характерной чертой прозы о Петербурге является синтетическое единство в рамках одного произведения гоголевской и достоевской линий в представлении темы двойничества.

В *заключении* подводятся итоги, делаются окончательные выводы в соответствии с целью и задачами, поставленными в диссертации, обозначаются перспективы исследования заявленной темы.

Перспективы дальнейшего исследования представляются нам довольно широкими. Петербургский миф в целом, как культурологический феномен, перманентно развивается, обогащаясь новыми смыслами. Его вопло-

шение в литературе не перестаёт быть актуальным, что подтверждают многочисленные обращения к различным аспектам петербургской мифологии современных прозаиков. Петербургский миф русской прозы, претерпевая трансформации, не утрачивает своей концептуальной специфики и особой эстетической ценности.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в журнале, включённом ВАК Министерства образования и науки РФ в Перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

1. Повх Ю. А. Космогонический миф Петербурга в современной русской прозе / Ю. А. Повх // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (37). – С. 194–199. – ISSN 1818-4936. [0,5 п.л.]

2. Повх Ю. А. Мифопоэтика петербургского пространства в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» / Ю. А. Повх // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4 (36). – С. 241–250. – ISSN 1818-4936. [0,9 п.л.]

3. Повх Ю. А. Образ петербуржца в русской прозе 1990–2000-х гг. / Ю. А. Повх // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 3 (39). – С. 171–179. [0,8 п.л.]

4. Повх Ю. А. Тема памяти и возраста города в контексте петербургского мифа современной русской прозы / Ю. А. Повх // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2 (38). – С. 156–163. – ISSN 1818-4936. [0,7 п.л.]

5. Повх Ю. А. Эволюция эсхатологического мифа о Петербурге в прозе Андрея Битова и Ильи Стогова / Ю. А. Повх // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 4 (32). – С. 206–211. – ISSN 1818-4936. [0,5 п.л.]

*Статьи в научных журналах
и сборниках материалов научных конференций*

6. Повх Ю. А. Антитеза «Москва – Петербург» в малой прозе Андрея Битова / Ю. А. Повх // Актуальні проблеми слов'янської філології : міжвуз. зб. наук. ст. (мат.-лы Междунар. науч. конф. «Город-как-текст: литературные проекции, Бердянск, 10–11 сентября 2009 г.) / гол. ред. В. А. Зарва. – Бердянськ : БДПУ, 2010. – Вип. XXIII, ч. IV. – С. 222–230. – (Серія Лінгвістика і літературознавство). [0,6 п.л.]

7. Повх Ю. А. Антитеза «Москва – Петербург» в повести А. Вьяльцева «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого» / Ю. А. Повх // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 3 (46). – С. 232–235. – ISSN 1993-5552. [0,4 п.л.]

8. Повх Ю. А. Городской миф Ильи Стогова: к проблеме метасюжета Петербурга / Ю. А. Повх // Архетипы, мифологемы, символы в художест-

венной картине мира писателей : мат-лы Междунаро. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.). – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2010. – С. 240–245. – ISBN 978-5-9926-03157-6. [0,4 п.л.]

9. Повх Ю. А. Идея обреченности в романе Д. Вересова «Третья тетрадь» как составная часть эсхатологического мифа Петербурга / Ю. А. Повх // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (8). – С. 126–129. – ISSN 1997-2911. [0,3 п.л.]

10. Повх Ю. А. Концепт «город» в романе Н. Галкиной «Архипелаг Святого Петра» / Ю. А. Повх // Когнитивный подход к анализу и интерпретации художественного произведения : мат-лы Всерос. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 18–25 апреля 2011 г.). – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – С. 111–119. – ISBN 978-5-9926-0466-5. [0,9 п.л.]

11. Повх Ю. А. «Магическая игра с пространством»: к вопросу о мифопоэтике петербургской архитектуры в русской прозе 1990–2000-х годов / Ю. А. Повх // Общественные науки. – М. : МИИ Наука, 2011. – № 3. – С. 26–34. – ISSN 2079-5505. [0,8 п.л.]

12. Повх Ю. А. Мифопоэтический аспект изображения водного пространства Петербурга в современной русской прозе / Ю. А. Повх // Современная филология: теория и практика : мат-лы IV Междунаро. науч.-практ. конф. (г. Москва, 29–30 июня 2011 г.). – М. : Институт Стратегических Исследований, 2011. – С. 237–242. – ISBN 978-5-9902550-5-0. [0,3 п.л.]

13. Повх Ю. А. Персонажи петербургского зазеркалья в контексте петербургского мифа современной русской прозы / Ю. А. Повх // Молодой учёный. – Чита : Молодой учёный, 2011. – № 8. – С. 29–31. – ISSN 2072-0297. [0,3 п.л.]

14. Повх Ю. А. Представители петербургского андеграунда как форма воплощения авторских интенций в романах Ильи Стогова / Ю. А. Повх // Литературный персонаж как форма воплощения авторских интенций : мат-лы Междунаро. науч. интернет-конф. (г. Астрахань, 20–25 апреля 2009 г.) / под ред. Г. Г. Исаева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. – С. 195–205. – ISBN 978-5-9926-0194-7. [1,0 п.л.]

15. Повх Ю. А. Феномен двойничества в русской прозе 1990–2000-х годов как составляющая петербургского мифа / Ю. А. Повх // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 9 (52). – С. 134–136. – ISSN 1993-5552. [0,4 п.л.]

16. Повх Ю. А. Эсхатологический миф Петербурга в современной русской прозе / Ю. А. Повх // Вестник гуманитарного научного образования. – М. : ИГНН, 2011. – № 3. – С. 25–30. [0,7 п.л.]

Подписано в печать 15.10.2011.
Заказ № 2474. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 1,0. Усл.-печ. л. 0,9.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45 (магазин),
48-53-44, факс: (8512) 48-53-46.
E-mail: asupress@yandex.ru

10 2